

Нам трэба жыць
І долю напраўляць.
Каб нас патомкі
З часам не клялі

Янка Купала

Машеров, Киселев, Слюньков, Соколов, Малофеев. Известные в Беларуси и далеко за ее пределами люди. Условно я их назвал апостолами. Как известно, апостол -- ученик Христа, проповедник его учения, носитель идеи. Так и каждый из названных лидеров бывшей КПБ выступал в роли последователя и проповедника одной и той же идеи -- коммунистической, одного и того же учения -- марксистско-ленинского.

Хочу поделиться с читателями "Р" своими личными впечатлениями от встреч и контактов с этими людьми во время работы в аппарате ЦК КПБ. Причем не претендую на законченность характеристик. Это скорее штриховые наброски, высвечивающие некоторые личностные грани партийных вожаков.

I. ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ -- ЭТО МЕТЕОРЫ, САМИ СЕБЯ СЖИГАЮЩИЕ, ДАБЫ ОСВЕТИТЬ МИР

Роман КАТУЖАНЕЦ

(Наполеон)

До первой встречи с Петром Мироновичем Машеровым в августе 1973 года много раз видел и слушал его на собраниях, митингах, с экрана телевизора. И вот я впервые в его рабочем кабинете. Тогда в аппарате ЦК была добрая традиция. С каждым, кто приходил сюда на работу, первый секретарь беседовал непременно. Подобный разговор состоялся и со мной. Но здесь я должен сделать небольшое отступление.

Есть у Владимира Солоухина рассказ о том, как трое людей, встретившихся в доме отдыха, размышляли о своих неиспользованных возможностях. Один из них однажды отказался от раритетной книги, другой -- поленился узнать имя автора песни "В лесу родилась елочка", третий -- упустил шанс приобрести уникальную церковную утварь. У каждого свои горчичники и потери. Есть они и у меня.

Первая -- это несостоявшаяся по моей оплошности в июле 1986 года встреча с вдовой до сих пор по-настоящему не оцененного русского поэта Игоря Северянина -- с Верой Коренди. Это ей поэт посвятил свое предсмертное стихотворение "Последняя любовь". Я оказался в Таллине. Были интересные экскурсии Коля и Валя. Истинные знатоки и любители поэзии Северянина. Мы вместе побывали на старом православном Александро-Невском кладбище. Могила поэта увидели в запущенном состоянии. Положили розы.

Как хороши, как свежи будут розы, моей страной мне брошенные в гроб!

Эти строки из стихотворения "Классические розы" на плите его могилы. И тут Коля и Валя предложили съездить к музе последних лет жизни поэта -- Вере Борисовне. Она заканчивала мемуары о Северяnine. Не помню причины, но я отказался, пообещав приехать в Таллинн в другой раз. Но другой поездки, увы, совершить не удалось.

Вторая. В 1990 году я был в Михайловском на Псковщине у Семена Гейченко. Он долго и увлекательно говорил о Беларуси, о пребывании в нашем крае Пушкина. Таких вдохновенных и интересных

шерова за стеклами полок виделось полное собрание сочинений писателя в 90 томах /1928--1958 гг./, что, конечно же, было весьма непривычно. В то время кабинетный антураж партийного работника составляли главным образом тома Маркса, Энгельса, Ленина да еще материалы партийных съездов. Толстой у Машерова -- не прихоть, не желание щегольнуть интеллигентностью, а естественная потребность души. Петр Миронович так увлекся толстовской темой, что, достав из пачки "Золотое руно" сигарету, так и не закурил.

И вот я о чем сегодня думаю, и вот где моя потеря. Почему Машеров с работником, которого брали на участок, связанный со сферой обслуживания, повел разговор в неожиданной для меня плоскости? Или он накануне размышлял о нашем реальном житье-бытье, советовался с Львом Николаевичем? Быть может, вспомнил толстовские слова: писать -- это легко, нужно только все слова расставить на свои места. Так и в любой работе легко, когда все делаешь только от чистого сердца. Когда народ понимает, чего ты хочешь. Думается, Петр Миронович, как никто другой, и в те времена знал правду о фальши, двуличии, коррупции, безнравственности в "верхах". Многие руководители республиканских министерств и ведомств, предприятий и организаций рассказывали, что в Москве зачастую без "Беловежской настойки" и иных подношений не решается ни один хозяйственный вопрос.

Или такое свидетельство. Однажды Петр Миронович в душевном порыве сказал: так жить дальше, как мы живем, нельзя, надо заново строить социализм... Мне кажется, что уже в те времена его мысли занимала социалистическая перестройка, формирование такого механизма развития общества, в котором каждый народ реально чувствовал бы себя хозяином своей страны.

Петра Мироновича пришлось видеть во многих ситуациях -- на заседаниях бюро и секретариата ЦК, на различных совещаниях, собраниях

Собрал все номера "Р" с публикацией "Вожди, вожаки, вожачки". Ждал продолжения разговора, но другие точки зрения на первых лиц республики газета так и не обнародовала. Возможно, вы считаете, что это не нужно. Еще как нужно! Неверно, что историю делает только народ. Ее делают и личности. И потому крайне важно, чтобы руководители были личностями. Тема эта, убежден, для журналистов очень выигрышная, так как читатели хотят знать о руководителях как можно больше. Даже и о тех, кто, как говорится, сошел с арены. Ведь прошлое надо знать и для того, чтобы не делать ошибок в будущем.
Валентин ЛЕОНОВСКИЙ
г.Брест

От "Р". Публикация Александра Симурова "Вожди, вожаки, вожачки" задела за живое многих наших читателей. Отклики редакция получает до сих пор. Одни соглашаются с оценками автора, другие уточняют, конкретизируют факты, события... А некоторые предлагают свой взгляд на роль и место бывших "первых" в судьбе республики.

Сегодня "Р" предоставляет слово Роману Катужанцу, который многие шаги бывших руководителей бывшей КПБ видел, что называется, изнутри -- длительное время работал в аппарате ЦК. Человек он эрудированный, любит и хорошо знает творчество многих русских и белорусских мастеров поэтического слова. С материалами, посвященными русской поэзии и Пушкинскому горю, он уже дважды выступал на страницах "Р", так что ее читателям это имя известно.

"Записки раба божьего..." мы подвергли лишь незначительной правке, воспринимая их как своеобразный документ нашего непростого времени.

мол, рынок новый, нужна бы и высокая культура торговли. А на деле что? Рассадник антисанитарии, бескультурья, да и только. Много времени заняли беседы с покупателями и продавцами.

Еще раз замечу, что тот выезд был неподготовленный, незапрограммированный. Однако он оказался весьма полезным для всех. Каждый мог задать Петру Мироновичу вопрос и тут же получить ответ. После той встречи один из минчан-пенсионеров /он на рынке обратился к Машерову с личной просьбой, и она была решена положительно -- лет пять звонил мне по своим нерешенным бытовым проблемам. И каждый раз, чтобы развеять спомнил, начинал разговор со слов: "А вы помните, как на рынке Петр Миронович шутил, брал меня за бороду?"

Поездка на "Комаровку" повлекла за собой ряд поручений. В частности, Совету Министров и отделу ЦК дали задание подготовить вопрос об улучшении работы колхозных рынков для рассмотрения в бюро ЦК КПБ. Многие идеи, экспромтом высказанные Петром Мироновичем в беседах с людьми, легли потом в основу принятого постановления. Жаль, что не все из задуманного удалось осуществить. Так и не появилась, например, рядом с рынком, как мечтал Машеров, добротная гостиница для крестьян, доставляющих свою продукцию в "чрево Минска".

Можно привести и другие свидетельства его заботы о нуждах народа. Существовало правило, чтобы заведующие отделами периодически докладывали Петру Мироновичу, отраслевым секретарям ЦК о том, что нового, интересного появилось в курируемых отраслях, как выполняются принятые решения, над чем работают отделы, что не получается, почему, какими им видятся пути для улучшения дела.

Однажды, когда заведующий отделом находился в отпуске, мне пришлось информировать Машерова о положении в сфере обслуживания населения. Петра Мироновича заинтересовала зарождавшаяся тогда практика создания подсобных хозяйств в системе Белкоопсоюза. К.З.Те-

руссии, сказал Петр Миронович, каждый крестьянин имел кожух, а то два-три. Один для работы, другой -- выходной. А почему сегодня мы не можем решить эту задачу: одеть каждого селянина в полушубок? Разведем овец, организуем обработку овец, построим пошивочные предприятия... Разговор состоялся дней за десять до его трагической гибели. Не случилось бед, задуманное, уверен, стало бы реальностью. Я же часто думаю о том, что жизнь чрезвычайно круто и жестко, вопреки всякой логике, обошлась с одним из истинных реформаторов того времени. Садовник срезает лучшие цветы -- это давно подмечено в народе.

В то время от первого секретаря ЦК во многом зависело, где и какой построить завод, кому из писателей дать премию, где и кому поставить памятник, какой творческий коллектив послать на гастроли за рубеж. Хотя многое решалось в центре: сколько в республике квартир построить, сколько произведенного мяса оставить, даже какой объем услуг по химчистке оказать населению и т.п. И я думаю, что еще будет написано, сколько он вынес несправедливых упреков и укоров со стороны московской верхушки. И все ради того, чтобы многострадальному белорусскому народу жилось чуть-чуть легче.

Ошибок не совершает лишь тот, кто ничего не делает. Поэтому из ошибок важно извлекать уроки. А они были. Это и с явным забеганием вперед, без учета реальных сил и возможностей, курс на исчезновение так называемых неперспективных деревень, и неверный подход к дачным проблемам /а может, быть и верный... Когда из окна поезда видишь дачный по-

селхозпродукции. Были просчеты и в кадровой политике. Да и в "битве" за спасение поголовья скота в то знойное, засушливое лето, которую с легкой руки журналистов назвали "веточной кампанией", не все было продумано до конца.

Нельзя оправдать и отношение в республике к памятникам архитектуры, истории и культуры. Непонятно, почему, скажем, в Белоруссии при более высоком жизненном уровне в сравнении с некоторыми другими союзными республиками мало что сделано по восстановлению народных святынь? И во времена Машерова, и после него. Разве что за последние годы отреставрированы Софийский собор в Полоцке, Дом-музей Адама Мицкевича в Новогрудке /и то с помощью поляков/, да усадьба Репина в Здравнево. И когда интеллигенция сегодня критикует Петра Мироновича за эти просчеты, то хочется спросить: а почему вы, уважаемые товарищи, не берете часть вины и на себя? Почему молчали? Вспомните речи своих представителей на съездах, пленумах, сессиях? А ведь Петр Миронович дорожил и считался с мнением белорусской интеллигенции. Пожалуй, единственный раз не учел ее мнения -- при решении судьбы старого района Немиги. А жаль! Резюме: Я не оправдываю Машерова, он в этом не нуждается, но мне кажется, что здесь должна быть коллективная ответственность.

Андрей Вознесенский как-то сказал: "Мир ошеломляет художник, ошеломивший свою страну". Если же сказать языком другого поэта, то Петр Миронович был "творянином". Его знали и любили во всей стране. Газеты с его докладами, речами, статьями из Минска ту же по просьбам пересылались во все точки страны.

Ему, Герою Советского Союза, знали цену и в центре. Однажды его помощник В.Я.Крюков не без грусти сообщил мне: "Звонил Петр Миронович из Москвы, нервничал, и я между строк понял, что в Белоруссию он может не вернуться..." И кто знает, если бы тогда его "союзное" назначение состоялось, кто бы оказался в числе главного

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке

ЗАШИСКИ РАБА БОЖЬЕГО ОШЫТЦІ